

которыхъ не стоитъ, каковы, напримѣръ, родители Базарова и, вообще, всѣ достигшіе старости? А тамъ явится вопросъ о томъ, гдѣ же конецъ этимъ исключеніямъ, и стоитъ ли вообще о комъ либо заботиться? Во всякомъ случаѣ, задавшись цѣлью—„уменьшить массу человѣческихъ страданій и увеличить массу человѣческихъ удовольствій“,—какъ не остановиться на вопросѣ, почему, стремясь къ достижению этой цѣли, стремясь къ благополучію неизвѣстныхъ намъ будущихъ людей, *къ свѣтлому будущему*, почему мы должны пренебрегать благополучіемъ самыхъ близкихъ къ намъ, не останавливаться даже предъ увеліченіемъ ихъ страданій? Развѣ они не такие же люди, и развѣ забота объ ихъ благополучіи для насъ менѣе обязательна, чѣмъ забота о благополучіи неизвѣстныхъ намъ будущихъ? И что это за благополучіе, отъ которого мы сами отказываемся, желая доставить его другимъ, и въ этомъ отказѣ нашемъ и находимъ высшее удовлетвореніе, т. е. истинное благополучіе наше?! Не окажутся-ли наши заботы не имѣющими цѣны и для тѣхъ, о которыхъ мы заботимся? Въ чемъ же реальная польза отъ всѣхъ нашихъ хлопотъ и заботъ?!

На стран. 63-й статьи „Реалисты“—Писаревъ говоритъ, что руково-дящая идея у послѣдовательного реалиста есть идея *общей* пользы, или общечеловѣческой солидарности. Но страданіе у каждого *своє*;—какимъ же образомъ стремленіе къ уменьшенію страданій и къ увеліченію удовольствій можетъ вести къ общечеловѣческой солидарности, къ осуществленію идеи *общей* пользы?! Страданія отъ голода и всякия другія физическія страданія хотя и одинаковы у всѣхъ, но у каждого они—*свої*, и каждому, прежде всего, самому хочется избавиться отъ *своихъ* страданій. Точно также и удовольствія, даже при *одинаковости* *ихъ*, у каждого они *свої*, и каждый хочетъ имѣть ихъ *для себя*. И что это за реалисты, которые пугаемъ отказомъ отъ собственного благополучія, путемъ причиненія страданій своимъ близкимъ и самимъ себѣ, какъ Раҳметовъ, спавшій на гвоздяхъ, стремятся уменьшить массу страданій и увеличить массу удовольствій будущихъ, намъ неизвѣстныхъ людей, о которыхъ намъ неизвѣстно даже того,—будутъ-ли они когда либо существовать, такъ какъ будущее міра не въ нашихъ рукахъ и мы не застрахованы отъ какой либо катастрофы, которая можетъ не только уничтожить весь родъ нашъ, но можетъ разрушить самое жилище наше, нашу землю. Какая же реальная, практическая польза въ заботѣ объ уменьшеніи страданій и объ увеліченіи удовольствій какихъ то неизвѣстныхъ намъ *другихъ*, будущихъ людей, о которыхъ намъ неизвѣстно даже,—будутъ-ли они когда нибудь существовать?! И ради этой фантастической цѣли жертвовать благосостояніемъ своимъ и своихъ близкихъ, которое все таки до нѣкоторой степени могло бы быть достигнуто?! Реально-ли это?!

„Каждый настоящий реалистъ, —говоритъ Писаревъ,—, прежде всего работникъ... онъ трудится, какъ волъ, а кто не трудится, тотъ и не можетъ называться реалистомъ, какъ—бы краснорѣчиво онъ ни разсуждалъ о человѣчествѣ и объ общей пользѣ. Кто не трудится, а только разсуждаетъ, тотъ или пустой болтунъ, или вредный шарлатанъ, но уже ни въ какомъ случаѣ не; реалистъ“ (стр.85 и 86—*Реалисты*). Но и не всякий работникъ—реалистъ реалистъ только тотъ, кто въ своей работе, говоритъ Писаревъ, подчиняет-